

ЭТНОСЫ И КУЛЬТУРЫ

Автономия, меньшинства и мультикультурализм: в чем смысл «управления многообразием»?

А.Г. ОСИПОВ

Статья посвящена разным способам описания этнических различий в законодательстве и политической практике. Сравнение законодательства на основе концепта «национально-культурной автономии» и подходов, базирующихся на понятиях «мультикультурализм» и «меньшинства», обнаруживает между ними много общего. Кроме того, сравнение практик в России и в других странах позволяет найти ряд параллелей. Этнические различия организуются и описываются в категориях «группы» и «культуры»; ключевым является вопрос об отношении группы к территории; проблематика равенства в значительной степени сводится к вопросу о справедливой классификации и таксономии групп. Оказывается, что подобные подходы не имеют прямого утилитарного значения, но служат задаче выработки социально приемлемого описания окружающей общественной реальности. Эти наблюдения заставляют поставить вопрос об уникальности или своеобразии России в области, именуемой «национальная политика», или «этнические отношения», и, напротив, говорить о локальных проявлениях глобальных закономерностей в восприятии и репрезентации этнического разнообразия.

Введение

Ирония судьбы заключается в том, что один из самых бессмысленных и бесполезных в утилитарном отношении российских законов — закон о национально-культурной автономии¹ — наглядно, а местами даже изящно иллюстрирует транснациональные, если не общемировые тенденции описания и концептуализации этнических проблем. Выражение «национально-культурная автономия», как и аналогичные понятия, несет в себе несколько посланий: возможность использования категории «культура» для описания социальных отношений, рассмотрение групп как основы социальной организации и признание важности (в позитивном или негативном смысле) связи между этничностью и территорией. Оказывается, что общественная и административная мысль в разных странах и разных ситуациях принимает эти три повестки, хотя используемая при этом терминология может быть различной.

Депутаты и эксперты, разрабатывавшие российский закон, никогда не давали повода подозревать их в выдающейся эрудиции и особых интеллектуальных

---

¹ Федеральный закон «О национально-культурной автономии» от 17 июня 1996 г. № 74-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 1996. № 25. Ст. 2965.

дарованиях. Скорее, дело в том, что специалисты, бюрократы и общественные активисты даже в разных национальных контекстах мыслят в сходных категориях и сходным образом воспринимают и применяют стереотипные решения. Причины подобного сходства требуют специального сравнительного исследования, в данном случае в качестве объяснительной рамки мы бы предложили следующее суждение: доминирующие в современном мире подходы к восприятию этничности задают достаточно жесткие и узкие границы для публичных репрезентаций и институциональных решений.

Эти подходы характеризуются двумя особенностями. Во-первых, этничность видится и описывается не как нечто, возникающее в отношениях между людьми, а как некая объективно существующая субстанция. Во-вторых, этнические группы воспринимаются как относительно изолированные целостности, социальные организмы и субъекты общественных отношений.

Такие представления, как правило, не артикулируются открыто, а, присутствуя в официальном и обыденном языках, воспринимаются как данность по умолчанию и неререфлективно, что придает им особую живучесть и устойчивость. Это налагает достаточно серьезные ограничения на общественную мысль и политическую практику. Причины распространенности такого восприятия и устойчивости стоящей за ним традиции не поддаются простому объяснению и в любом случае требуют отдельного рассмотрения [Brubaker 2002, p. 163–165].

Национально-культурная автономия

Национально-культурная автономия (далее НКА) как концепт не растворяется в общей проблематике защиты меньшинств и имеет собственную историю. Вследствие отсутствия явных границ она во многих местах пересекается или совпадает с полями, где применяются иные подходы. Ближе всего к НКА оказываются понятия «мультикультурализм» и «защита меньшинств» — оба используются в описательном и нормативном значениях, оба многозначны и более распространены в мире, чем понятие «нетерриториальная автономия».

Мы используем здесь термин «национально-культурная автономия», потому что он хорошо узнаваем в России и вообще в бывшем СССР. Речь идет об автономии на нетерриториальной и на этнической основе, что бы под последней ни понимать: принципы членства или участия в организации, критерии отбора и допуска благополучателей, характер и сферу деятельности, уставные цели и пр. Вместе и наряду с НКА в сходных, но не идентичных значениях используются и другие термины — культурная, экстерриториальная, персональная и пр. автономия, нередко для ясности с предикатом «этническая» или «национальная». Слово «автономия» иногда заменяется не тождественным, но весьма близким термином «самоуправление». В разных понятиях акцентируются разные аспекты стоящих за ними идей, но в данном случае едва ли возможно обсуждать все, подчас весьма важные нюансы (подробнее обо всех сюжетах, связанных с НКА, см. [Осинов 2004]).

В России и за рубежом, в политических декларациях и в академической литературе встречаются две основные интерпретации нетерриториальной автономии

(во всех ее терминологических реинкарнациях). Во-первых, под НКА подразумевается общий принцип, согласно которому члены этнической группы в разных организационных формах коллективно реализуют права и интересы, связанные с их этнической принадлежностью, языком и культурой; во-вторых, НКА обозначает особую форму организации на этнической основе². Обе интерпретации не всегда четко артикулируются, в основном не противоречат друг другу и нередко пересекаются.

Общим местом стало выведение НКА из идей австромарксистов Отто Бауэра и Карла Реннера³. Последние предлагали, по сути, превратить этнические группы в сословия («национальные союзы»), членство в которых не зависело бы от места жительства [Бауэр 1909; Шпрингер 1909; Синоптикус 1906]. Члены «национальных союзов» посредством выборов должны были формировать органы управления, представляющие соответствующую этническую группу на общегосударственном уровне, распоряжаться частью налоговых поступлений, пропорциональной доле этнической группы в составе населения, и ведать учреждениями культуры и образования, обслуживающими соответствующую группу. Такая конструкция, по мнению ее авторов, могла бы положить конец политическому соперничеству между партиями, выступавшими от имени разных этнических групп, поскольку «национальности» получили бы возможность удовлетворять свои «объективные» потребности и без установления контроля над органами власти и территориальным управлением.

Нетерриториальная автономия как категория практики примечательна тем, что на нее существует не очень широкий, но устойчивый, не зависящий от политического контекста и нечувствительный к идеологическим различиям спрос.

После публикаций австромарксистов идея НКА приобрела популярность (несмотря на оживленную критику) не только среди социалистических, но и среди либеральных движений в Европе в целом и в России в частности. К идее внимательно присматривались австрийские власти, и она даже в некоторой степени нашла практическое воплощение в некоторых коронных землях Габсбургской монархии [Лазерсон 1918, с. 75–96; Шимов 2003, с. 321–322; Coakley 1994, р. 297–314].

Большевики во главе с Лениным и Сталиным выступали резко против НКА, справедливо усматривая в ней механизм раскола общества (и рабочего класса) по этническим линиям [Ленин Т. 23, с. 315–322, Т. 24, с. 115–149, 224–229; Сталин 1954, Т. 2, с. 326–351]. После прихода большевиков к власти в России идея НКА отрицалась и осуждалась официальной советской идеологией [Железнов 1984] как враждебное проявление буржуазного национализма. Идеологические табу советского времени стали отнюдь не единственной причиной популярности лозунга НКА в конце 1980-х гг. именно на территории бывшего СССР.

² Существует и неосновное толкование – в единичных случаях под «персональной» автономией понимают право лица на выбор индивидуальной языково-культурной стратегии, см., например [Кожокин 1995, с. 50; Weller 2005, р. 4–5; Schopflin 2000, р. 283–284]; отличие этого подхода заключается в отсутствии отсылок к этническим группам и границам между ними.

³ Существует и ряд других претендентов на авторство, что неудивительно – во второй половине XIX в. идея буквально витала в воздухе, см. [Чуркина 1999, с. 70–72; Eide, Greni, Lundberg 1998, р. 264; Кульчицкий 1907, с. 128].

После Первой мировой войны и распада многонациональных империй идея НКА была легко приспособлена к новой повестке «национальных государств» и защиты меньшинств. Идеи, обозначаемые как «персональная автономия» или «национальный федерализм», достаточно широко обсуждались в научных и политических кругах [Janowsky 1945, p. 149] и даже нашли отражение в договорах о меньшинствах, заключенных в системе Лиги Наций [Capotorti 1991, p. 16–26; Spiliopoulou Akermark 1996, p. 104–108; Thornberry 1991, p. 42; Horak 1961, p. 129, 194]. Автономные институты в сфере образования существовали в Латвии в период 1922–1934 гг. [Левицкий 1991, с. 114; Saleniece, Kuznetsovs 1999, p. 236–264], а в Эстонской Республике с 1925 г. действовал закон о культурной автономии [Закон... 1995; Woods 1999, p. 269; Coakley 1994, p. 307; Janowsky 1945, p. 150], во многом отразивший представления австромарксистов.

В настоящее время в Латвии, Украине, Хорватии законодательство использует понятие «культурная автономия», которое обозначает общую политику защиты меньшинств. Понятие «автономия» (*Eigenstaendigkeit*) применительно к «традиционным» меньшинствам содержат конституции и законы двух германских земель – Саксонии-Анхальт и Шлезвиг-Гольштейна [ACFC/SR(2000)001, p. 28, 89–90, 100]. В Эстонии, Венгрии и Словении в отношении меньшинств используется понятие «самоуправление»⁴; во всех трех странах законодательно закреплены особые формы его организации, причем в последних двух случаях государство имеет перед самоуправлениями материальные обязательства.

Кроме того, в некоторых странах концепт «общин», созданных на этнической или языковой основе, является частью конституционного дизайна. Валлонское и фламандское лингвистические сообщества в Бельгии номинально существуют как бы независимо от территории. Однако по сути «сообщества» сугубо условны и отнюдь не могут рассматриваться как совокупности лиц с фиксированной языковой, или квазиэтнической принадлежностью⁵. Норвегия создала Саамский парламент, избираемый по всей территории страны и финансируемый из средств бюджета. Аналогичные схемы самоуправления саами действуют в Швеции и Финляндии [Muntti 2002, p. 151–170]. Государственное устройство Кипра формально основано на разделении власти между самоуправляемыми греческой и турецкой общинами; в 1960–1963 гг. эта система функционировала на практике [Joseph 1985; Reiterer 2003; Salih 1978]. В ЮАР в 1983–1994 гг. существовали самоуправляемые общины «белых», «цветных» и «индусов» [Ghai 1998, p. 53–54; Coakley 1994, p. 308]. Индейские «нации» и «племена» (*nations and bands*) в Канаде и в отдельных случаях в США существуют как самоуправляемые общности номинально независимо от территории [Watts 2000, p. 36–38; Catt, Murphy 2002, p. 73–80, 137–177].

Нетерриториальная автономия регулярно упоминается в академической литературе, хотя по популярности уступает другим концептам – мультикультурализму

⁴ По крайней мере, так местная терминология переводится на основные европейские языки.

⁵ Советы этих «общин» формируются из депутатов парламентов Фландрии и Валлонии с добавлением депутатов от соответствующей лингвистической фракции парламента столичного региона – Брюсселя, а их полномочия распространяются на «свой» регионы и Брюссель. На практике «экстерриториальность» сводится к тому, что жители Брюсселя могут выбирать между франко- и фламандскоязычными образовательными и культурными учреждениями [Lecours 2002, p. 58–73; Jans 2000, p. 215–229].

или «демократии согласия» [Осипов 2004, с. 425–441]. Идеи НКА также находят применение в некоторых проектах урегулирования конфликтов, например, в бывшей Югославии [Balogh 1999, p. 203–204; Water 2002, p. 114–116].

Россия, таким образом, оказывается вне конкуренции – концепт НКА присутствует в ряде федеральных и региональных законов, ранее он регулярно упоминался в официальных выступлениях чуть ли не как основа «национальной политики» в стране; существуют сотни организаций, именующих себя «автономиями»; кроме того, НКА посвящено множество академических текстов.

Российское законодательство

Федеральному закону «О национально-культурной автономии» в 2006 г. исполнилось 10 лет; можно было даже торжественно отметить эту годовщину, если бы нашлись такие оригиналы. Кроме этого закона, понятие национально-культурной (а также культурно-национальной) автономии присутствует в нескольких других нормативно-правовых актах федерального и регионального уровней, но употреблять выражение «законодательство об НКА» можно только в строго формальном смысле. Эти тексты не связаны между собой, а сам термин НКА несет совершенно разную смысловую нагрузку. Федеральный закон описывает «автономию» двояко: как особую форму организации на этнической основе и как принцип самоорганизации вообще. Однако принятая едва ли не день в день с ним Концепция государственной национальной политики РФ⁶ описывает НКА как совокупность разных по организационной форме общественных объединений этнокультурной направленности. Основы законодательства РФ о культуре 1992 г. обозначают «культурно-национальную автономию» как «право» этнических общностей, которое реализуется в форме различных общественных объединений. Термин НКА по-разному используется и в региональном законодательстве: например, закон об НКА Татарстана 2003 г. является калькой с федерального закона, а закон Башкортостана о национально-культурных объединениях 1998 г. трактует НКА как общественные объединения на этнической основе (см. обзор в [Осипов 2004, с. 141–148]).

Из сопоставления федерального закона об НКА, с одной стороны, и прочего законодательства о некоммерческих организациях и общественных объединениях, с другой, следует, что НКА обладают меньшим объемом прав, чем «простые» общественные объединения, а их учреждение и функционирование связаны с большим числом процедурных ограничений. По общему смыслу федерального закона об НКА «автономии» представляют собой разновидность общественных объединений, т. е. неправительственных организаций, созданных по этническому признаку «в целях самостоятельного решения вопросов сохранения самобытности, развития языка, образования, национальной культуры». «Просто» неправительственные (т. е. негосударственные и немunicipальные) некоммерческие организации (кроме политических партий) могут быть созданы и на этнической основе, понимае-

⁶ Концепция государственной национальной политики Российской Федерации. Утверждена Указом Президента РФ № 909 от 15 июня 1996 г.

мой и как особенности членства или участия, и как уставные цели и задачи. НКА и «просто» некоммерческие организации имеют права юридического лица, могут владеть обособленным имуществом, заключать сделки и пр. «Просто» некоммерческие организации, обладая по смыслу законодательства такими же, как и НКА, правами, могут осуществлять деятельность в области культуры, информации и образования, в частности, создавать СМИ и учреждения образования.

Закон об НКА содержит закрытые (в отличие от закона об общественных объединениях) списки сфер деятельности и, соответственно, прав НКА: «автономиям» предоставляются права, связанные исключительно с «сохранением самобытности, развитием языка, образования, национальной культуры». Законы об общественных объединениях и некоммерческих организациях предоставляют «просто» некоммерческим организациям больше форм и оснований получения государственной поддержки, чем НКА.

До ноября 2003 г. порядок создания «автономий» был следующий. «Национальные общественные объединения» (по смыслу статьи закона — два и более) имели право на учреждение НКА местного уровня. Что такое «национальные общественные объединения», законодательство не определяло и не определяет. Только после ноября 2003 г. местные НКА могут создаваться также собраниями или сходами граждан. Местные НКА «граждан, относящих себя к определенной этнической общности», могут учреждать региональные «автономии», а региональные — федеральную НКА. Для создания НКА требуется предварительно, не менее чем за три месяца (с ноября 2003 г. для местных НКА — за один месяц) до учредительной конференции, опубликовать сообщение о предстоящем мероприятии в средствах массовой информации или иным способом. Ко всем другим некоммерческим организациям требование следовать такой «ступенчатой» схеме и оповещать публику заранее об учредительных мероприятиях не предъявляется.

Таким образом, предусматриваются две основные функции НКА: консультирование органов власти и государственных учреждений по вопросам, связанным с развитием языков, образования и культуры, и самостоятельная деятельность в этих областях. Кроме того, закон содержит общие нормы, касающиеся образовательной деятельности, создания СМИ, развития языков. Эти положения являются декларативными и в основном дублируют нормы других федеральных законов.

Положения закона, посвященные отношениям государства с НКА, сформулированы двусмысленно, посредством использования глаголов настоящего времени в изъявительном наклонении: органы власти «оказывают поддержку», «содействуют», «рассматривают предложения», «учитывают», «осуществляют финансирование», «предоставляют» и пр. На практике такие формулировки воспринимаются как дающие право органам власти оказывать содействие НКА, но не как обязывающие их это делать. Закон об НКА не определяет уполномоченные органы, механизмы выделения и распределения, так же как и критерии установления объемов выделяемых ресурсов, т. е. не предусматривает конкретных обязательств государства.

Закон устанавливает только два преимущества НКА перед прочими неправительственными организациями: государственные СМИ могут бесплатно размещать материалы НКА; при органах исполнительной власти могут создаваться консультативные советы по делам НКА. Эти нормы на деле не трактуются как обязывающие,

НКА наравне с другими этническими организациями получают незначительную государственную поддержку, а консультативные структуры по делам «автономий» были сформированы только в нескольких регионах [Осипов 2004, с. 161–208].

Любопытно, что несмотря на практическую бесполезность идеи «автономии» в российском исполнении, на этот бренд сохраняется общественный спрос. Число НКА продолжает расти – в начале 2005 г. в России было зарегистрировано 16 федеральных, 173 региональных и 315 местных НКА [ACFC/SR/II(2005)003, р. 17], и регулярно поступают сведения об инициативах по созданию новых НКА. Но надо отметить, что «просто» этнических общественных объединений в несколько раз больше (точные данные, увы, недоступны), чем НКА. Важно и то, что этнические активисты не высказывают принципиального недовольства сложившимся положением дел.

Как сами этнические лидеры обосновывают ценность НКА? Исключительно аргументами символического характера и ожиданиями относительно будущего: наименование «автономия» подчеркивает особое положение организации в глазах государства и общества; НКА в отличие от «просто» общественного объединения должна и может выступать как представитель «своего этноса»; название НКА в будущем может содействовать получению государственного финансирования; создание НКА – знак лояльности государству и отказ от участия в политике и т. д. [Осипов 2004, с. 242–249].

Понятие, занимающее одно из центральных мест в публичных дебатах о так называемой «национальной политике», регулярно упоминается в академических публикациях, но крайне редко становится предметом анализа; гораздо чаще – поводом для умозрительных спекуляций и общих политических заявлений. Абстрактным идеологическим вопросам отдается явное предпочтение перед теми, которые имеют утилитарное значение для повседневной деятельности реальных организаций. Активно обсуждался, например, вопрос, от имени каких этнических групп могут и от каких не могут создаваться НКА [Филиппов, Филиппова 1998, с. 64; Хабриева 2001, с. 148; Алексеев, Каламанов, Черненко 1998, Т. 2, с. 70; Блищенко, Абашидзе 1997, с. 8; Елеонский 2001, с. 162], но крайне редко кто-либо проявлял интерес к процедурам учреждения, функционирования и финансирования НКА, а также их взаимодействия с властями.

Культурализация социального

Социальная проблематика, связанная с этническим делением, перетолковывается в терминах культуры и культурных различий не только в связи с НКА. С другой стороны, далеко не все проекты этнической нетерриториальной автономии ограничивают самоуправление только культурой и смежными областями. Российский закон представляется в этом отношении простым случаем; собственно, предикат «культурная» в термине НКА ясно указывает на сферу, где организациям, именуемым «автономиями», надлежит действовать.

Вообще культурализация этничности выглядит в первую очередь как средство ее деполитизации, а понятие «культурное» нередко используется как синоним неполитического. Этот прием – отвести меньшинствам такую область деятельности,

где они не затрагивали бы основы власти и общественного устройства – довольно стар, используется властями во многих странах и часто оказывается вполне эффективным. Только такая активность меньшинств, которая связана с культурой (часто в фольклорно-этнографическом понимании), признается и поощряется государством. Политикой и экономикой распоряжаются другие; при этом иные проблемы людей, относимых к меньшинству, например, дискриминация и социальная маргинализация, обходятся молчанием или описываются как продукт культурной специфики.

Где-то такие манипуляции производятся тоньше, где-то грубее, как в России. Собственно, чтобы понять, как это происходит в России, достаточно заглянуть в любую региональную концепцию или программу «совершенствования межэтнических отношений», где все внимание, наряду с контактами между властями и организациями меньшинств, уделяется культурно-просветительской деятельности, но не проблемам равенства и недискриминации. Федеральный закон об НКА сам по себе уже был четким посланием о необходимости отделить этничность от политики и ограничить ее сферой культуры и образования. Но в 1998–2003 гг. он был еще и подкреплен изменениями в избирательном законодательстве и законодательстве об общественных объединениях, в силу чего любые организации, образованные на этнической основе, потеряли право участвовать в политике вообще и в избирательном процессе в частности.

За государством следует общество. В академических публикациях и в публичных дебатах неравенство и социальные барьеры часто описываются как продукты культурных различий; например, миграция давно обсуждается в терминах культурной адаптации или, наоборот, культурных дистанций (см., например [Дмитриев 2006])⁷. В литературе НКА рекламируется как средство социальной интеграции [Щедрина 2004], а воображаемое участие НКА в политике осуждается [Филиппов 2003, с. 172; Кабешев 1999, с. 98–99; Комментарий... 1997, с. 93; Семенов 1998, с. 30], что не мешает едва ли не тем же авторам считать «автономии» представителями «своих» этнических групп и партнерами государства.

Сходным образом развивается ситуация в Латвии и Эстонии. Правительства этих стран позитивно относятся к культурно-просветительской, но не политической деятельности меньшинств, а понятие «культурная автономия» не только присутствует в законодательстве, но и используется в официальной риторике. В целом смысл подобных упражнений сводится к тому, чтобы сместить фокус публичных дебатов от вопросов гражданства и защиты прав лиц, относящихся к меньшинствам, к некой неопределенной повестке «сохранения идентичности» и «культурного развития» этнических групп⁸.

Термин «мультикультурализм» тоже многое говорит за себя: во-первых, проблематика, связанная с этнической или тому подобной неоднородностью населения, артикулируется в терминах культурных различий, во-вторых – по определению подразумевается сосуществование нескольких разных культур.

⁷ Теме «культурных различий» и «культурной адаптации» отдают дань даже самые продвинутые эксперты по миграционным проблемам [Мукомель 2005, с. 216–219].

⁸ Именно так, например, оцениваются латвийская и эстонская программы интеграции в докладах Института «Открытое общество» 2002 г. [Minority Protection in Estonia... 2002; Minority Protection in Latvia... 2002].

В Германии в 1980–1990-е гг. понятия «культура», а следом и «мультикультурализм» дали возможность обсуждать иммиграцию, не покушаясь на идейные основы национального государства. Иностранцы проблематизируются как носители «иной» культуры, которых именно в таком качестве необходимо адаптировать к «принимающему» обществу [Radtke 2003, p. 59–60; Беккер 2001].

Корень *культура* в слове *мультикультурализм* также обычно интерпретируется как признание или поощрение различий и активности вне области политики. С. Вертовеч на примере Британии показывает, что мультикультурализм может быть завуалированным средством исключения меньшинств: общественная дискуссия и государственная политика выстраиваются таким образом, что меньшинства идеологически и организационно допускаются к обсуждению только тех проблем, которые касаются их непосредственно и которые можно интерпретировать в терминах этнокультурных запросов [Vertovec 1996, p. 50–56].

Попытки ограничить повестку дня, связанные с этническими различиями, вопросами культуры, возвращаются бумерангом. Самые разные требования, в том числе связанные с властью, самоуправлением, равенством, правом на землю и доступом к иным ресурсам, весьма активно и успешно начинают обосновываться задачей защиты культуры или идентичности [Barry 2001]. Это поветрие уже охватило едва ли не весь мир и давно не является отличительной чертой только лишь организаций меньшинств. Риторике «защиты культуры» большинства осваивают консервативные и праворадикальные политики [Stolcke 1995]; культурная проблематика привносится в антирасистские движения; *cultural claims* – «требования на основе культуры» – являются темами масштабных и активных академических дебатов. Национальные суды в Канаде и некоторых других странах принимают доводы истцов о защите «культуры» или «идентичности» в земельных спорах или процессах об эксплуатации натуральных ресурсов с участием представителей «первых наций» [Murphy 2001]; по этому же пути идут и международные органы, в том числе Комитет ООН по правам человека [Holder 2006].

Россия отнюдь не стоит в стороне от этого процесса. Во-первых, власти, как было сказано выше, прибегают к культурализации проблем, во-вторых, спорадически достаточно разные интересы и требования по различным поводам выражаются в культурных и этнических терминах. Достаточно упомянуть опять же культурализацию темы миграции и попытки истолковывать те или иные трудности, с которыми сталкивается государство, как угрозу российской идентичности или как проблемы русского народа. Последнее хорошо иллюстрируют, например, различные «русские проекты»⁹.

Причины того, что *cultural claims* и шире – попытки ввести тему культуры в политику и право стали глобальным феноменом, едва ли можно свести к ответу на манипуляции властей с меньшинствами. Скорее, приходится говорить о некоей общей тенденции описывать общество как конгломерат групп, каждая из которых является носителем своеобразного «багажа», именуется ли он культурой, расой или этничностью. Движущие силы этого процесса, разумеется, требуют отдельного обсуждения. Интерес последних десятилетий конкретно к термину «культура» можно,

⁹ См., например, сайт «Русского проекта», запущенного «Единой Россией» – партией думского большинства: <http://rus-proekt.ru>.

вероятно, описать посредством слова «брендинг» [Deckha 2006, p. 120–121]. Бренд «культуры», как и любой другой бренд, помогает покупателю распознать и выбрать, а продавцу — продать товар. Концепт «культуры» позволяет упростить и сделать узнаваемой и понятной сложную повестку; мотивы властей более или менее легко реконструировать, и вполне уместно предположить, что мотивы других игроков на этом поле хотя бы отчасти совпадают. Вопрос же, почему в последние десятилетия столь популярен именно концепт «культуры», следует считать открытым.

Группизм

«Группизмом» (groupism) Роджерс Брубейкер называет определенную перспективу рассмотрения социальной реальности, которая предполагает восприятие групп по умолчанию в качестве целостностей, имеющих внутреннюю структуру, выступающих как агенты социального действия и отделенных устойчивыми социальными границами от других таких же целостностей [Brubaker 2002, p. 164]. Сложно найти более наглядные воплощения группизма, чем практические интерпретации понятия НКА, поскольку в самых разных ситуациях понятие «автономия» проецируется на представление об обособленной группе и о специфических формах организации группы.

Показательна история принятия российского закона об НКА. Авторы и участники работы над двумя проектами закона, которые были внесены в Государственную Думу в 1995 г., неоднократно декларировали, что закон должен создать условия для самоорганизации граждан, а не изоляции этнических общностей [Никитин 1996, с. 18]. В Пояснительной записке 1996 г. ко второму проекту было даже сказано, что «субъектом реализации национальных интересов признаются граждане РФ, принадлежащие к конкретным этническим общностям» [Архив Государственной Думы...].

По сути, закон был составлен таким образом, что подразумевалась именно организация, представляющая определенную этническую группу и обслуживающая предполагаемые потребности этой группы. Суждения о том, что НКА является формой «организации этноса» и «представителем» этого этноса, много раз высказывали и официальные лица, и сами активисты этнических организаций. Однако на практике ничего не было сделано для того, чтобы создать преимущества «автономиям» и стимулировать объединение.

Россия в этом отношении очень похожа на Эстонию. Эстонский Закон о культурной автономии национального меньшинства 1993 г. [Law on Cultural Autonomy...] налагает на «самоуправления меньшинства» больше ограничений, чем на «просто» некоммерческие организации, но дает меньше прав. Жители страны, относящиеся к меньшинствам, для удовлетворения своих этнокультурных интересов объединяются в «просто» некоммерческие организации (в том числе и неграждане, для которых закрыто членство в «самоуправлениях»), и правительство не усматривает в этом проблемы. Первое и единственное «самоуправление» ингерманландских финнов было создано при активном содействии государства только в 2004 г. [ACFC/SR/II (2004) 009, p. 7].

Но надо отметить, что вообще в мире, за редкими исключениями, эксперты, законодатели и чиновники не умеют обращаться к теме этничности иначе как с помощью групповых категорий.

Понятие «меньшинства» само по себе предписывает разговор о различиях в терминах группового деления и асимметричных отношений между группами. «Меньшинство» рассматривается как целостность, имеющая собственные отличительные признаки (в первую очередь опять же артикулируется культурная специфика), и как агент социального действия¹⁰.

Аналогично из всех возможных прочтений «мультикультурализма» возоблала версия, которую С. Бенхабиб назвала «мозаичным» мультикультурализмом, т. е. общество рассматривается как поле, на котором сосуществуют целостные «культуры», каждая из которых четко отделена от другой такой же целостности, при этом каждая культура является атрибутом определенной группы [Бенхабиб 2003, с. 9].

Даже на этом фоне Россия сумела отличаться, доведя в законе об НКА идею деления общества на группы как объекты политики до абсурда. В Ст. 1 закона первой редакции 1996 г. понятие «определенная этническая общность» было поставлено во множественном числе: «...форма национально-культурного самоопределения, представляющая собой общественное объединение граждан Российской Федерации, относящих себя к *определенным этническим общностям*» [курсив мой. – А. О.]. Это, таким образом, открывало возможность для существования многоэтничных НКА, что имеет большой практический смысл. В стране довольно много полиэтничных некоммерческих организаций – дагестанских, татаро-башкирских, «славянских» НКА. Объединение усилий и ресурсов поверх этнических барьеров может иметь утилитарное значение, поскольку создание и поддержание общественной организации со статусом юридического лица (составление отчетности, ведение бухгалтерии, аренда помещения, пользование инфраструктурой) есть довольно дорогое и требующее немалых усилий удовольствие.

Поправки к закону об НКА, принятые в ноябре 2003 г.,¹¹ закрыли лазейку – множественное число в Ст. 1 закона было заменено на единственное, и не случайно. Высказывалась следующая позиция: НКА занимаются конкретной работой по сохранению этнической идентичности, идентичностью обладает определенная группа, поэтому многоэтничные НКА в принципе не могут функционировать должным образом, следовательно, нельзя допускать их создания [Интервью автора с А.В. Поздняковым]. Собственно, и ранее чиновники высказывали как минимум недоумение по поводу НКА, выступавших от имени более чем одной «национальности» [Цыренова 1997, с. 26]. Пикантность ситуации заключается в том, что государство, нанеся удар по многоэтничным НКА, продолжает поощрять различные

¹⁰ Наглядным примером можно считать, например, одно рабочее определение, предложенное А. Спилиопулу-Акермарк, которая является одним из крупнейших специалистов в области защиты меньшинств: «Меньшинство есть недоминирующая институционализованная группа с общей культурной идентичностью, которую она стремится сохранить» [Spiliopoulou Akermark 1996, p. 97]. При этом дается пояснение, что под «институционализованной» (institutionalised) понимается группа, имеющая определенную внутреннюю структуру и целостность.

¹¹ Федеральный закон «О внесении изменений в Федеральный закон «О национально-культурной автономии» № 136-ФЗ от 10 ноября 2003 г.

межэтнические коалиции, в частности, Ассамблею народов России и ее региональные клоны, а также подобные им структуры.

Федеральный закон об НКА формально не ограничивал и не ограничивает число НКА, созданных от имени одной этнической группы в одних территориальных рамках. Чиновники и эксперты многократно выказывали негативное отношение к этому, хотя причины для беспокойства не очень понятны — «параллельные» НКА хотя и встречались, но подобные случаи можно пересчитать по пальцам одной руки. В большинстве регионов органы юстиции отказывали, пусть и незаконно, в государственной регистрации более чем одной НКА одной группы, создаваемой на местном или региональном уровне.

Дело о такого рода отказе дошло до Конституционного Суда РФ [Постановление Конституционного Суда РФ...]. В Алтайском крае в 1997 г. почти одновременно были провозглашены две региональные немецкие национально-культурные автономии. Одна из инициативных групп получила отказ в государственной регистрации, обжаловала его и, в конце концов, дошла с жалобой до Конституционного Суда РФ. Конституционный Суд вынес решение о том, что отказ в регистрации был правомерным и что в пределах субъекта Федерации может быть только одна национально-культурная автономия. Интересно, что Суд строил свою позицию не на положениях Конституции и закона об НКА, а на домыслах. Суд исходил из следующей перспективы: автономия есть форма организации этнической группы, институт представительства «этносов» перед государством и канал, через который государство направляет ресурсы на развитие этнических языков и культуры. Поэтому автономия может быть только одна на одной территории, а что касается права на объединение, никто не лишает людей права вступить в действующую НКА или создать свое общественное объединение, автономией не являющееся.

При принятии того же законопроекта о поправках в закон об НКА, которое затянулось более чем на два года (2001–2003 гг.), правительство и Государственная Дума по очереди пытались ввести в текст общий запрет на «параллельные» НКА, но из-за непоследовательности сторон эта норма в закон не вошла [Осинов 2004, с. 93–98, 228].

Российский случай ярок, но не уникален. Эстонский закон о культурном самоуправлении национального меньшинства 1925 г. предусматривал только одно «самоуправление» одной этнической общности [Закон... 1995; Woods 1999, p. 265–286; Coakley 1994, p. 297–314]; новый закон 1993 г. такого ограничения не содержит. Но венгерский закон «О правах национальных и этнических меньшинств» 1993 г., по общему смыслу не предусматривая «параллельные» самоуправления одного меньшинства, допускает совместные организации разных групп [Закон... 1996].

Равенство и иерархия

В последние по меньшей мере три десятилетия группизм и культурдетерминизм сильно повлияли на то, как проблематика равенства и недискриминации воспринимается в Северной Америке и Западной Европе, а также в международных организациях. Понимание расизма и дискриминации как неравенства в обращении с

индивидами сдало позиции в пользу интерпретаций, основанных на рассмотрении отношений и структурных диспропорций между этническими и расовыми группами как таковыми. Тезис о том, что никакое государство не является нейтральным в этнокультурном отношении, введенный в обращение политическими философами с коммуитаристскими симпатиями [Young 1990], приобрел широкую популярность среди ученых и общественных активистов. В результате возникли представления о принципиальном неравенстве меньшинств по отношению к большинству, поскольку «культуры» не могут сосуществовать в одном обществе на равных условиях, и необходимости создания для меньшинств особо благоприятного режима, призванного компенсировать неравенство.

Тема равенства растворилась в общей теме справедливости: требование равного обращения с индивидами теряется на фоне глубокой озабоченности распределением ресурсов и статусов между группами. Как следствие — большие усилия тратятся на выстраивание «правильной» классификации и таксономии групп.

Идея защиты меньшинств по определению предполагает иерархическую классификацию групп и людей, к ним относящихся. Возникает вопрос о содержании понятия «большинство», которому противопоставляется «меньшинство», и о том, кто может, а кто не может быть назначен «настоящим» меньшинством. В европейских странах и даже в международных организациях утвердилось четкое разделение этнических групп на «коренные народы», «национальные меньшинства» и «иммигрантов». Правительства, как показал, в частности, процесс ратификации Рамочной конвенции о защите национальных меньшинств, прибегают к составлению списков «признанных», «укоренившихся» меньшинств и, соответственно, исключению из этой категории всех других. Интересно, что в Швеции единая официальная повестка, обозначаемая как «мультикультурализм» и призванная обеспечить равное обращение со всеми группами, под давлением экспертов и этнических активистов в середине 1990-х гг. была разделена на две части, касавшиеся соответственно «традиционных меньшинств» и «иммигрантов» [Spiliopoulou Akermark, Huss 2006, p. 553]. Однако на практике классификация групп не имеет большого значения — правительственные меры, предусматривающие защиту от дискриминации, поощрение культурного многообразия и сотрудничество с организациями гражданского общества, оказываются общими для разных категорий.

На первый взгляд «мультикультурализм» и «нетерриториальная автономия» не предполагают иерархии групп и тем самым утверждают их равенство. Тем не менее на практике оба понятия обнаруживают скрытые смыслы. В Европе среди экспертов и политиков установилось негласное соглашение, в соответствии с которым «мультикультурализм» относится только к иммигрантам, но не к «традиционным» меньшинствам [Inglis 1996, p. 64]. Похожую смысловую нагрузку несет и «нетерриториальная автономия»: в Восточной Европе она четко ассоциируется с решением, предназначенным исключительно для «меньшинств», т. е. «некоренного» населения [Lapidoth 1997, p. 37; Mihalikova 1998, p. 160], но «основной нации», с одной стороны, и неиммигрантов или неграждан — с другой. В случаях с мультикультурализмом и нетерриториальной автономией подтекст, утверждающий разницу в статусе, оказывается двойным. Адресатов, как минимум символически, отстраняют

от политики, отводя им только область культуры, и отказывают в претензиях, в том числе символических, в контроле над территорией.

Иллюстрацией той же тенденции вновь оказывается ситуация, сложившаяся с НКА в России. В 1995 г. первый правительственный проект федерального закона об НКА признавал нетерриториальную автономию только для меньшинств, под которыми понимались группы, не относившиеся к большинству и к «титულным» национальностям. В Думе эта идея была отклонена, и закон об НКА до ноября 2003 г. не содержал никаких ограничений круга этнических групп, от имени которых могут создаваться автономии. После принятия закона депутаты – члены Комитета Думы по делам национальностей – особо подчеркивали важность того, что им удалось избежать выстраивания иерархии групп [Никитин 1996, с. 18; Зорин 1999а, с. 46]. Такую же оценку закону дали и многие эксперты [Паин 2004, с. 169].

Однако с конца 1990-х гг. представители власти резко негативно отзывались о появлении местных и региональных НКА, выступавших от имени «титулных» этнических групп в соответствующих субъектах Федерации [Зорин 1999б, с. 428] (таких было всего две – местная бурятская НКА в Бурятии и отделение федеральной карачаевской НКА в Карачаево-Черкесии). В это же время резкой критике подвергалась идея русских НКА. В России было создано несколько региональных и местных НКА от имени русских, причем преимущественно в русских по составу населения регионах, но власти в 1999–2001 гг. под произвольным предлогом не допустили регистрации федеральной русской НКА [Кузнецов 2001].

В 2003 г. правительство РФ добилось возврата идеи меньшинств в закон об НКА, и с тех пор НКА могут быть созданы только от имени «этнических общностей, находящихся в ситуации национального меньшинства», причем законодательство не определяет признаки такой «ситуации». Обоснование звучало примерно следующим образом: «титулные» национальности и национальности, находящиеся в большинстве, могут для своего этнокультурного развития использовать «свою» государственность и «свои» органы власти; поэтому статус, связанный с НКА, предоставляется только меньшинствам, но не «государствообразующим» народам¹². Вопрос, почему власти решили, что если этническая группа составляет арифметическое большинство на некоей территории или считается «титулной», то это автоматически снимает все проблемы, связанные с языком, культурой и образованием, а также делает ненужной гражданскую самоорганизацию, следует считать риторическим.

Интересно, что в неприятии идеи русской НКА и НКА «титулных» национальностей с государством были солидарны активисты меньшинств и эксперты [Елеонский 2001, с. 162; Чурбаков 1999, с. 74–75], хотя госфинансирование НКА было несущественным, а русские НКА не получали от государства фактически ничего. Также вопрос о том, от имени каких этнических групп должны, а от каких

¹² Министр РФ В. Ю. Зорин при обсуждении в Государственной Думе на втором чтении поправок к закону об НКА изложил доводы правительства следующим образом: «Субъектами права на создание НКА становятся не все, а только те этнические группы, которые испытывают объективные трудности в решении своих национально-культурных задач, и этим определяется предмет или сфера действия данного закона» (Стенограмма пленарного заседания ГД от 27 июня 2001 г., информационная система Государственной Думы РФ: <http://wbase.duma.gov.ru/steno/nph-sdb.exe>).

не должны создаваться НКА, занимает академических экспертов гораздо больше, чем практические проблемы, связанные с функционированием таких организаций [Осипов 2004, с. 242–249]. Примечательно и широко распространенное в России среди этнических активистов убеждение, что НКА предназначена только для «некоренных» этнических групп.

Заключение

Упомянутые выше ситуации имеют две характерные особенности. Во-первых, по меньшей мере проблематично утилитарное (в смысле доступа к власти и экономическим ресурсам) значение многих решений, связанных с НКА, мультикультурализмом или защитой меньшинств. Во-вторых, регулярно наблюдается «системное лицемерие» [Brunsson 1989] – разрыв между символической и инструментальной политикой, или риторикой и действиями власти.

НКА не дает никаких преимуществ по сравнению с «просто» некоммерческими организациями; «просто» общественные объединения этнических меньшинств существуют вместе и наравне с НКА тех же этнических групп и как минимум не менее эффективно решают те же задачи. Мультикультурализм в символическом смысле означает отказ от ассимиляции и одновременно от социального исключения мигрантов [Rex 1997, р. 469], но на практике в основном сводится к просветительским программам в системе образования и готовности властей консультироваться с этническими активистами [Grillo 1998, р. 141–215; Kymlicka 1998, р. 44–59]. Защита меньшинств далеко не всегда оборачивается вложением публичных ресурсов в культурные и образовательные проекты для этнических групп, защита же от дискриминации или гарантии права на свободу объединений и свободу в области культурной деятельности касаются всех, независимо от этнической принадлежности.

Власти, общественные активисты и эксперты во многих странах и организациях используют фигуры речи, означающие признание групповых прав и автономии «общин». При этом никто не пытается реально структурировать общество как конгломерат организованных этнических групп и управлять им в таком качестве. Эксперты и политики могут признать «этнический» характер тех или иных автономных территорий, но никто не вводит особый правовой режим для лиц, условно относящихся к этнической группе, составляющей на такой территории большинство или давшей ей название.

Кажущийся парадокс находит объяснение, если отнести «управление многообразием» или, в российской терминологии, «национальную политику» к области символического производства, в терминологии П. Бурдьё [Bourdieu 1991, р. 163–170], или производству смыслов. Из нескольких общепризнанных допущений – существования различных этнических групп в качестве структурных единиц общества, возможности их восприятия в качестве субъектов социального действия и самостоятельной и универсальной ценности их культурного «багажа» – вытекает потребность в соответствующем легитимном нарративе. Государство и элиты успешно производят такое описание. Интересно, что в разных контекстах оказы-

ваются общими и допущения, и картина окружающего общества, основанного на «справедливой» символической иерархии этнических или культурных групп.

Яркое впечатление оставляют, например, современные российские дебаты о желаемой конфигурации «российской нации», в частности, о содержании понятий «гражданская» и «этническая» нация¹³. «Вряд ли найдется другая страна, в которой в одно и то же время отсутствовал бы консенсус по столь широкому кругу базовых тем», в том числе о содержании понятия «нация» [Миллер 2007, с. 10]. При, казалось бы, кардинальных расхождениях между оппонентами, они остаются, вольно или невольно, в рамках одной и той же повестки и оказываются вынужденными отвечать на одни и те же вопросы. Как разделять понятия «русское» и «российское»? Как должно выглядеть признание роли и места тех, кто идентифицируется в качестве «русских»? Выстраивать ли классификацию и таксономию этнических групп или уклоняться от этого? Признавать или не признавать связь между группой и территорией? При этом ход мыслей и ответы на многие вопросы зачастую оказываются общими. И в рассуждениях появляются группы, якобы способные выдвигать собственные требования и действовать как самостоятельные игроки, и заявляется необходимость признания меньшинств и их культурного своеобразия. Особенно интересно, что вопросы, которые выглядят ключевыми для нахождения, по выражению А. Кустарева, «модуса солидарности» [Кустарев 2007, с. 68] общества, не имеют непосредственного прагматического значения. Они не касаются прямо распределения ресурсов, доктрины или режима власти, а связаны с символическим признанием и обозначением тех или иных общностей.

Россия опять же не является исключением. То, что понятия «гражданской» и «этнической» нации хороши в качестве идеального типа, но не описательной модели, постепенно становится общим местом [Brubaker 2004]. Если исключить крайние репрессивные режимы, добивающиеся полной культурной или этнической унификации, то оказывается, что само по себе признание этнического и культурного многообразия влечет за собой воспроизводство одних и тех же схем (с некоторыми вариациями, разумеется) и при «гражданском», и при «этническом» национализме.

Производство социально приемлемых описаний выступает одним из механизмов власти. Единая повестка для тех, кто правит, и тех, кем правят, общий взгляд на мир и общая система понятий предотвращают несогласие с установленным порядком. Если первоочередными считаются темы признания и справедливого ранжирования этнических групп или культур, то в этой системе координат вопросам о доступе к власти, о социальной маргинализации или исключении может просто не найтись места. Это и наблюдается в России — официальная власть, этнические активисты и эксперты одинаково воспринимают идеи НКА и одинаково оценивают, какие проблемы являются важными, а какие нет. Подобное же происходит с другими понятиями, призванными описывать этническое многообразие.

Но возможно и иное — требования равенства, перераспределения власти и ресурсов могут быть облачены в культурную оболочку и тем самым по своей сути стать более радикальными и бескомпромиссными. Переход из первого состояния во второе вполне возможен, а вот возможна ли обратная эволюция?

¹³ Весьма иллюстративна, например, недавняя дискуссия под рубрикой «Национальное строительство» в журнале «Pro et Contra» (2007. № 3 (май — июнь). С. 6–72).

Литература

- Архив Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации. Ф. 10100. Оп. 24п-П. Д. 8. Л. 75.
- Алексеев С.В., Каламанов В.А., Черненко А.Г.* Идеологические ориентиры России (Основы новой общероссийской национальной идеологии). В 2 т. М.: Книга и бизнес, 1998.
- Бауэр О.* Национальный вопрос и социал-демократия. СПб.: Серп, 1909.
- Беккер Ф.* Этничность и миграция: критическое прочтение понятия этничности в миграционных исследованиях // *Ab Imperio*. 2001. № 3.
- Бенхабиб С.* Притязания культуры. Равенство и разнообразие в глобальную эру. М.: Логос, 2003.
- Блищенко И.П., Абашидзе А.Х.* О Законе Российской Федерации «О национально-культурной автономии» как об одной из форм национально-культурного самоопределения народов России // *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия «Юридические науки»*. 1997. № 2.
- Дмитриев А.В.* Миграция: Конфликтное измерение. М.: Альфа-М, 2006.
- Елеонский В.О.* Совершенствование законодательства Российской Федерации о защите национальных меньшинств // *Национальный вопрос и государственное строительство: проблемы России и опыт зарубежных стран: Материалы научной конференции (Москва, 27–28 апреля 2000 г.)*. М., 2001.
- Железнов Б.Л.* АССР – высшая форма советской автономии. Казань: Издательство Казанского государственного университета, 1984.
- Закон «О правах национальных и этнических меньшинств» (LXXVII / 1993) // *О проекте Федерального закона «О защите прав национальных меньшинств»*: Материалы парламентских слушаний (20 июня 1995 г.). М., 1996.
- Закон Республики Эстония о культурной автономии национальных меньшинств (12 февраля 1925 г.) // *Национально-культурные автономии и объединения. Историография. Политика. Практика. Антология. Т. III*. М., 1995.
- Зорин В.* Закон, ставший прорывом // *Жизнь национальностей*. 1999а. № 1.
- Зорин В.Ю.* Дневник не для себя. Кн. 2. Страсти Охотного ряда. М.: Виоланта, 1999б.
- Интервью автора с А.В. Поздняковым, советником Департамента регионального развития аппарата правительства РФ, в прошлом сотрудника Министерства по делам национальностей РФ. Москва, 16 марта 2004 г.
- Кабешев В.А.* Проблема национально-культурной автономии и ее современное политическое значение (кандидатская диссертация). Нижний Новгород: Нижегородский государственный университет, 1999.
- Кожокин Е.М.* Права меньшинств в постсоветском пространстве // *Будет ли Европа существовать без России?* М., 1995.
- Комментарий к Федеральному закону «О национально-культурной автономии» (с приложениями). М.: Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации, 1997.
- Кузнецов М.* Дискриминация // *Независимая газета*. 2001. 8 февраля.
- Кульчицкий (Мазовецкий) К.* Автономия и федерация в современных конституционных государствах. М.: Издательство Петровской библиотеки в Москве, 1907.
- Кустарев А.* Нация: кризис проекта и понятия // *Pro et Contra*. 2007. № 3 (май – июнь).
- Лазерсон М.Я.* Национальность и государственный строй (юридико-политические очерки). Пг.: Книга, 1918.
- Левицкий Д.* О положении русских в независимой Латвии // *Даугава*. 1991. № 3–4.
- Ленин В.И.* Из тезисов по национальному вопросу // *Ленин В.И. Полное собрание сочинений*. Т. 23.
- Ленин В.И.* Критические заметки по национальному вопросу // *Ленин В.И. Полное собрание сочинений*. Т. 24.
- Ленин В.И.* О культурно-национальной автономии // *Ленин В.И. Полное собрание сочинений*. Т. 24.

- Миллер А.* Нация как рамка политической жизни // Pro et Contra. 2007. № 3 (май – июнь).
- Мукомель В.И.* Миграционная политика России. Постсоветские контексты. М.: Диполь-Т, 2005.
- Нагорная М.А.* Проблемы национально-культурной автономии // Национальный вопрос и государственное строительство: проблемы России и опыт зарубежных стран: Материалы научной конференции (Москва, 27–28 апреля 2000 г.). М., 2001.
- Никитин В.* Широкое понимание, гарантированная поддержка // Жизнь национальностей. 1996. № 6.
- Осинов А.Г.* Национально-культурная автономия. Идеи, решения, институты. СПб.: ЦНСИ, 2004.
- Паин Э.А.* Этнополитический маятник. Динамика и механизмы этнополитических процессов в постсоветской России. М.: Институт социологии РАН, 2004.
- Постановление Конституционного Суда РФ от 3 марта 2004 г. № 5-п «По делу о проверке конституционности части третьей статьи 5 Федерального закона “О национально-культурной автономии” в связи с жалобой граждан А.Х. Дитца и О.А. Шумахер» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2004. № 11. 15 марта. Ст. 1033.
- Семенов Ю.И.* Для того, чтобы разобраться в любом вопросе, необходимо знать его историю // Национально-культурная автономия: проблемы и суждения. М., 1998.
- Синоптикус [Реннер К.]* Государство и нация. СПб.: Искры, 1906.
- Сталин И.В.* Марксизм и национальный вопрос // Сталин И.В. Сочинения. М., 1954. Т. 2.
- Филиппов В.Р.* Критика этнического федерализма. М.: Российская академия наук, Центр цивилизационных и региональных исследований, 2003.
- Филиппов В.Р., Филиппова Е.И.* Закон и этничность. М.: Комитет общественных и межрегиональных связей Правительства Москвы, Центр «Этносфера», 1998.
- Филиппова Н.* Национально-культурная автономия в России: историко-политический контекст и перспективы реализации // Федерализм и децентрализация. Екатеринбург, 1998.
- Хабриева Т.Я.* Национально-культурная автономия в Российской Федерации. М.: Юридический дом «Юстицинформ», 2003.
- Хабриева Т.Я.* Проблемы совершенствования законодательства о национально-культурной автономии в Российской Федерации // Национальный вопрос и государственное строительство: проблемы России и опыт зарубежных стран: Материалы научной конференции (Москва, 27–28 апреля 2000 г.). М., 2001.
- Цыренова З.* Первые шаги закона // Жизнь национальностей. 1997. № 2–3.
- Чурбаков А.В.* Национально-территориальное и национально-культурное самоопределение: соотношение понятий // Государственно-правовые основы обеспечения безопасности в Российской Федерации. СПб., 1999.
- Чуркина И.В.* Программы культурно-национальной автономии: создание и варианты // Вопросы истории. 1999. № 4–5.
- Шимов Я.* Австро-Венгерская империя. М.: Эксмо, 2003.
- Шпрингер Р. [Реннер К.]* Национальная проблема (Борьба национальностей в Австрии). СПб.: Общественная польза, 1909.
- Щедрина О.В.* Возможна ли мультикультурная модель интеграции мигрантов в России? // Социологические исследования. 2004. № 11.
- ACFC/SR(2000)001. Report Submitted by Germany Pursuant to Article 25, Paragraph 1 of the Framework Convention for the Protection of National Minorities (Received on 24 February 2000). [http://www.coe.int/T/e/human_rights/Minorities/2._FRAMEWORK_CONVENTION_\(MONITORING\)/2._Monitoring_mechanism/3._State_reports/1._First_cycle/PDF_1st_SR_Germany-1.pdf](http://www.coe.int/T/e/human_rights/Minorities/2._FRAMEWORK_CONVENTION_(MONITORING)/2._Monitoring_mechanism/3._State_reports/1._First_cycle/PDF_1st_SR_Germany-1.pdf)
- ACFC/SR/II (2004) 009. Second Report Submitted by Estonia Pursuant to Article 25, Paragraph 1 of the Framework Convention for the Protection of National Minorities. July 2004. [http://www.coe.int/T/e/human_rights/Minorities/2._FRAMEWORK_CONVENTION_\(MONITORING\)/2._Monitoring_mechanism/3._State_reports/2._Second_cycle/PDF_2nd_SR_Estonia.pdf](http://www.coe.int/T/e/human_rights/Minorities/2._FRAMEWORK_CONVENTION_(MONITORING)/2._Monitoring_mechanism/3._State_reports/2._Second_cycle/PDF_2nd_SR_Estonia.pdf). P.7.

- ACFC/SR/II(2005)003. Second Report Submitted by the Russian Federation Pursuant to Article 25, Paragraph 1 of the Framework Convention for the Protection of National Minorities (received on 26 April 2005). http://www.coe.int/t/e/human_rights/minorities/2_framework_convention_%28monitoring%29/2_monitoring_mechanism/3_state_reports_and_unmik_kosovo_report/2_second_cycle/PDF_2nd_SR_Russian_Federation.pdf.
- Balogh S.* *Autonomy and the New World Order: A Solution to the Nationality Problem.* Toronto; Buffalo: Matthias Corvinus, 1999.
- Barry B.* *Culture and Equality. An Egalitarian Critique of Multiculturalism.* Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 2001.
- Bourdieu P.* *On Symbolic Power // Bourdieu P. Language and Symbolic Power.* Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1991.
- Brubaker R.* «Civic» and «Ethnic» Nationalism // *Brubaker R. Ethnicity without Groups.* Cambridge, Mass.; L.: Harvard University Press, 2004.
- Brubaker R.* *Ethnicity without Groups // Archive Européenne de Sociologie.* Vol. XLIII. 2002. № 2.
- Brunsson N.* *The Organization of Hypocrisy. Talk, Decisions and Actions in Organizations.* Chichester, N.Y.: John Wiley & Sons, 1989.
- Capotorti F.* *Study on the Rights of Persons Belonging to Ethnic, Religious and Linguistic Minorities.* N.Y.: United Nations, 1991.
- Catt H., Murphy M.* *Sub-state Nationalism: A Comparative Analysis of Institutional Design.* N.Y.: Routledge, 2002.
- Coakley J.* *Approaches to the Resolution of Ethnic Conflict: The Strategy of Non-territorial Autonomy // International Political Science Review.* 1994. Vol. 15. № 3.
- Deckha M.* *Gender, Difference and Anti-Essentialism // Diversity and Equality: The Changing Framework of Freedom in Canada.* Vancouver, Toronto: UBC Press, 2006.
- Eide A., Greni V., Lundberg M.* *Cultural Autonomy: Concept, Content, History and Role in the World Order // Autonomy: Applications and Implications / Ed. by M. Suksi.* The Hague; Boston: Kluwer Law International, 1998.
- Ghai Y.* *Decentralization and the Accommodation of Ethnic Diversity // Ethnic Diversity and Public Policy: A Comparative Inquiry / Ed. by C. Young.* N.Y.: St. Martin's Press in association with UNRISD, 1998.
- Grillo R.D.* *Pluralism and the Politics of Difference: State, Culture and Ethnicity in Comparative Perspective.* Oxford; N.Y.: Clarendon Press, 1998.
- Holder C.* *Culture as a Basic Human Right // Diversity and Equality: The Changing Framework of Freedom in Canada.* Vancouver, Toronto: UBC Press, 2006.
- Horak S.* *Poland and Her National Minorities. 1919–39.* N.Y.: Vantage Press, 1961.
- Inglis Ch.* *Multiculturalism: New Policy Responses to Diversity.* Paris: UNESCO, 1996.
- Janowsky O.* *Nationalities and National Minorities (with special reference to East-Central Europe).* N.Y.: The Macmillan Company, 1945.
- Jans T.* *Personal Federalism: A Solution to Ethno-National Conflicts? What It Has Meant in Brussels and What It Could Mean in Abkhazia // Federal Practice. Exploring Alternatives for Georgia and Abkhazia / Ed. by B. Coppieters, D. Darchiashvili, N. Akaba.* Brussels: VUB University Press, 2000.
- Joseph J. S.* *Cyprus: Ethnic Conflict and International Concern.* N.Y.; Paris: Lang, 1985.
- Kymlicka W.* *Finding Our Way. Rethinking Ethnocultural Relations in Canada.* Toronto, Oxford, N.Y.: Oxford University Press, 1998.
- Lapidoth R.* *Autonomy: Flexible Solutions to Ethnic Conflicts.* Washington, D.C.: United States Institute of Peace Press, 1997.
- Law on Cultural Autonomy for National Minorities.* Adopted on 26 October 1993. http://www.einst.ee/factsheets/cult_auton.
- Lecours A.* *Belgium // Handbook of Federal Countries, 2002 / Ed. by A.L. Griffiths; coordinated by K. Nerenberg.* Montreal: McGill-Queen's University Press, 2002.
- Mihalikova S.* *The Hungarian Minority in Slovakia: Conflict over Autonomy // Managing Diversity in Plural Societies / Ed. by M. Opalski.* Nepean, Ont.: Forum Eastern Europe, 1998.

- Minority Protection in Estonia. An Assessment of the Programme «Integration in Estonian Society 2000–2007». Open Society Institute, 2002. http://www.eumap.org/reports/2002/minority/international/sections/estonia/2002_m_estonia.pdf
- Minority Protection in Latvia. An Assessment of the National Programme «The Integration of Society in Latvia». Open Society Institute, 2002. http://www.eumap.org/reports/2002/minority/international/sections/latvia/2002_m_latvia.pdf
- Murphy M.* Culture and the Courts: A New Direction in Canadian Jurisprudence on Aboriginal Rights? // Canadian Journal of Political Science. Vol. XXXIV. 2001 (March). № 1.
- Myntti K.* The Sami Cultural Autonomies in the Nordic Countries // Minority Governance in Europe / Ed. by K. Gal. Budapest: LGI/ECMI Series on Ethnopolitics and Minority Issues, 2002.
- Radtke F.-O.* Multiculturalism in Germany: Local Management of Immigrants' Social Inclusion // International Journal on Multicultural Societies. 2003. Vol. 5. № 1.
- Reiterer A.F.* Cyprus: Case Study about a Failure of Ethno-National Understanding. Frankfurt am Main; N.Y.: Lang, 2003.
- Rex J.* The Problematic of Multinational and Multicultural Societies // Ethnic and Racial Studies. 1997. Vol. 20. № 3.
- Saleniece I., Kuznetsovs S.* Nationality Policy, Education and the Russian Question in Latvia since 1918 // Ethnicity and Nationalism in Russia, the CIS and the Baltic States / Ed. by C. Williams, T. Sfikas. Aldershot: Ashgate, 1999.
- Salih H.I.* Cyprus: The Impact of Diverse Nationalism on a State. Montgomery. The University of Alabama Press, 1978.
- Schopflin G.* Nations, Identity, Power. N.Y.: New York University Press, 2000.
- Spiliopoulou Akermark A.* Justifications of Minority Protection in International Law. L.; Boston: Kluwer Law International, 1996.
- Spiliopoulou Akermark A., Huss L.* Ten Years of Minority Discourse in Sweden // International Obligations and National Debates: Minorities around the Baltic Sea / Editor-in-Chief S. Spiliopoulou Akermark. Mariehamn: Åland Islands Peace Institute, 2006.
- Stolcke V.* Talking Culture: New Boundaries, New Rhetorics of Exclusion in Europe // Current Anthropology. 1995. Vol. 36. № 1.
- Thornberry P.* International Law and the Rights of Minorities. Oxford: Clarendon Press, 1991.
- Vertovec S.* Multiculturalism, culturalism and public incorporation // Ethnic and Racial Studies. 1996. Vol. 19. № 1.
- Water T.W.* Indeterminate Claims: New Challenges to Self-Determination Doctrine in Yugoslavia // SAIS Review. 2002 (Summer-Fall).
- Watts R.* Federalism and Diversity in Canada // Autonomy and Ethnicity: Negotiating Competing Claims in Multi-ethnic States / Ed. by Y. Ghai. Cambridge, UK; N.Y.: Cambridge University Press, 2000.
- Weller M.* «Towards a General Comment on Self-Determination and Autonomy»: Working Paper submitted to UN Working Group on Minorities, 11th Session, 25 May 2005 (E/CN.4/Sub.2/AC.5/2005/WP.5).
- Woods S.* Ethnicity and Nationalism in Contemporary Estonia // Ethnicity and Nationalism in Russia, the CIS and the Baltic States / Ed. by C. Williams, T. Sfikas. Aldershot: Ashgate, 1999.
- Young I.M.* Justice and the Politics of Difference. Princeton, N.J.: Princeton University Press, 1990.